

Редьярд Киплинг

В кратере

Редьярд Жозеф Киплинг В кратере

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141813

Аннотация

«Это не вымысел. Джекс действительно случайно попал в поселение, о существовании которого давно известно многим, хотя Джекс – единственный англичанин, побывавший в этом странном месте. Приблизительно такой же поселок находился недалеко от Калькутты, и говорят, что в Биканире, в самом центре великой пустыни Индии, можно натолкнуться не на деревню, а на целый большой город, в котором живут мертвые, не умершие, но и не имеющие права жить...»

Редьярд Киплинг

В кратере

* * *

*Жив ты или умер – другой дороги нет.
Туземная пословица*

Это не вымысел. Джекс действительно случайно попал в поселение, о существовании которого давно известно многим, хотя Джекс – единственный англичанин, побывавший в этом странном месте. Приблизительно такой же поселок находился не遠далеке от Калькутты, и говорят, что в Биканире, в самом центре великой пустыни Индии, можно натолкнуться не на деревню, а на целый большой город, в котором живут мертвые, не умершие, но и не имеющие права жить. Вполне установлен факт, что в той же самой пустыне стоит изумительный город, в который удаляются разбогатевшие ростовщики (они обладают до того крупными состояниями, что, не решаясь доверять их охрану правительству, бегут с ними в безводные пески). В этой глухой местности богачи катаются в роскошных экипажах со стоячими рессорами, покупают себе красивых невольниц, украшают свои дворцы золотом и слоновой костью, облицовочными черепицами и пер-

ламутром. Почему бы и рассказу Джекса не быть истиной? Он гражданский инженер. Его голова создана для чертежей, планов, определения расстояний и тому подобных вещей, и уж конечно не он стал бы сочинять сказки, это принесло бы ему меньше выгоды, чем его собственное дело. Джекс никогда ничего не изменяет в своем рассказе. Говоря, он очень горячится и сильно негодует, вспоминая, как непочтительно обращались с ним. Сначала он просто записал факты, потом немного исправил свой рассказ и ввел в него несколько размышлений.

Итак:

Все началось с легкого припадка лихорадки. Ради моей работы мне пришлось провести несколько месяцев в лагере между Пакпатаном и Мубаракпуром. Это, как известно всякому, имеющему несчастье попасть туда, унылая песчаная пустыня. Мои кули оказались не более и не менее несносны, чем все их собратья, а моя задача требовала от меня такого внимания, что я не мог жаловаться и ныть, если бы даже имел склонность к такой несвойственной мужчине слабости.

23 декабря 1884 года я почувствовал приступ лихорадки. Было полнолуние, все собаки вокруг моей палатки выли: они собирались по две, по три и доводили меня до остервенения. За несколько дней перед тем я убил одного из этих громогласных певцов и повесил его труп «in terrorem», шагах в пятидесяти от входа в мою палатку. Но друзья этого погибше-

го накиннулись на его тело, стали драться, наконец, съели его без остатка и, как мне показалось, с новым воодушевлением запели благодарственные гимны.

Полубредовое состояние – следствие жары – у различных людей выражается различным образом. Мое раздражение уступило место определенному желанию убить одну огромную собаку, черную с белыми пятнами, она первая поднимала по вечерам вой и, когда я появлялся, убегала быстрее всех остальных. Это повторялось в течение всего вечера. Голова у меня кружилась, руки дрожали, и поэтому, два раза выстрелив в ненавистное животное, я дважды промахнулся. Наконец, мне представилось, что лучше всего выехать из дому верхом, выгнать несносного пса на открытую равнину и убить его копьем для кабанов. Понятно, подобный план мог родиться только в полусознательном лихорадочном мозгу. Тем не менее я отлично помню, что в то время эта мысль казалась мне очень практичной и удобоисполнимой.

Я приказал своему груму оседлать Порника и тихонько подвести его к заднему выходу из палатки. Лошадь оседлали. Я остановился перед ней, готовый вскочить в седло, едва послышится голос черного с белым пса. Порник несколько дней не выходил из стойла. В ночном воздухе чувствовалась прохлада, а я вооружил свои ноги парой острых «убедительных» шпор, которые раньше в этот день помогли мне оживить одного медленного, флегматичного конька. Итак, вы, конечно, сами поймете, что едва я позволил Порнику дви-

нуться вперед, он быстро поскакал. Собака кинулась прочь, мы за ней, и через мгновение палатка осталась далеко позади нас. Порник мчался по гладкой, мягкой почве со скоростью чистокровного скакуна на скачке. Еще мгновение, и мой конь обогнал несчастную собаку, а я... я почти забыл, зачем мне вздумалось сесть на лошадь и взять с собой длинное копьё.

Лихорадочный жар, быстрая скачка, холод бодрящего воздуха, все вместе, вероятно, лишило меня остатка здравого смысла. Во мне сохранилось слабое воспоминание о том, как я поднялся на стремянах и, потрясая моим копьём, грозил большой белой луне, которая спокойно смотрела на мою безумную скачку, и какие вызывающие фразы бросал я кустам дикого терновника, склонявшим свои ветви. Помнится, я раза два зашатался, качнулся, почти упал на шею Порника и буквально повис на шпорах. На следующий день об этом рассказали следы. Несчастливая собака, точно одержимая, мчалась по залитой лунным светом бесконечной равнине. Я помню, как перед нами внезапно вырос подъем и, когда мы взобрались на возвышенность, внизу блеснула серебряная полоса – поверхность реки Сетледж. Порник оступился, коснулся носом земли – и в следующую секунду мы с ним оба тяжело покатались с невидимого откоса.

Вероятно, я потерял сознание, потому что, открыв глаза, увидел, что лежу ничком на куче мягкого белого песка. Над краем того холма, с которого я упал, загоралась бледная за-

ря. Вот свет усилился, и я понял, что лежу в глубине впадины, так сказать, на дне песчаного подковообразного кратера, одна сторона которого была обращена прямо к мелям Сетледжа. Лихорадка оставила меня. От падения с высоты я нисколько не пострадал и чувствовал только легкое головокружение.

Порник стоял в нескольких шагах от меня. Он, понятно, сильно измучился, но совсем не ушибся. Седло мое, приспособленное для игры в поло, съехало и теперь висело под животом моего коня. Не скоро смог я поправить его, зато мне удалось осмотреть место, в которое я таким глупым образом попал.

Рискуя наскучить читателям, я довольно подробно опишу его, потому что точное представление о его особенностях в значительной мере поможет им понять все дальнейшее.

Итак, представьте себе, как я уже говорил, подковообразный песчаный кратер со стенами футов в тридцать пять высоты, состоящими из ступеней или выступов. Кажется, стены эти поднимались под углом градусов в шестьдесят пять. Плоское дно кратера представляло площадку длиной ярдов в пятьдесят с грубо устроенным отверстием в центре. В своем самом широком месте оно имело тридцать ярдов в поперечнике. Вдоль стенки кратера, приблизительно на высоте трех футов от ровной площадки, бежал целый ряд яйцеобразных, полукруглых, квадратных или многоугольных отверстий фута в три шириной. При ближайшем рассмотрении оказалось,

что все эти подземелья были внутри выложены хворостом или стволами бамбука, а над входом в каждое висели как бы желоба, фута в два длиной, напоминающие козырьки жокейских фуражек. В туннелях не замечалось ни признака жизни, но в амфитеатре кратера ощущалось такое зловоние, к какому не привык даже я, несмотря на мои блуждания по селениям Индии.

Казалось, Порник не меньше, чем я, желал вернуться в наш лагерь. Я сел на него и проехал по окраине подковообразного кратера в надежде отыскать возможность выбраться из него. Неведомые обитатели подземелья не показывались, следовательно, я был предоставлен самому себе. Первая же моя попытка заставить Порника подняться на крутую песчаную стену показала мне, что я попал в такую же ловушку, какую муравьиный лев устраивает для своей добычи. Едва мой конь делал шаг, целые тонны зыбучего песка сыпались вниз и, точно картечь, барабанили по деревянным желобам. После двух неудачных попыток мы с Порником скатились на дно кратера, задыхаясь под потоками песка. Мне пришлось подумать о берегу реки.

Тут, казалось, не могло возникнуть затруднений. Правда, песчаные холмы спускались к реке, но множество мелей и мелких мест тянулось к ее противоположному берегу. Значит, я мог бы проскакать через них на Порнике к «terra firma». Я повел Порника по пескам и вдруг с удивлением услышал слабый звук выстрела. В то же мгновение мимо го-

ловы моей лошади с визгом промелькнула пуля.

Я не мог ошибиться. Это была пуля из Мартини Генри – «пикетного» ружья. Ярдов в пятистах от меня на середине реки стояла местная лодка, которую удерживал якорь. От нее расплывались клубы дыма и таяли в тихом утреннем воздухе: это показало, с какой стороны мне послали любезный привет. Ну, был ли когда-нибудь почтенный джентльмен в таком неприятном положении? Предательский песчаный откос мешал мне ускользнуть из места, которое я посетил совершенно непроизвольно, а прогулка вдоль реки служила сигналом для начала бомбардировки со стороны какого-нибудь безумного туземца в лодке. Должен сознаться, что я совершенно вышел из себя.

Новая пуля сказала, что мне лучше убраться подобру-поздорову. Я поспешно вернулся в подковообразный кратер и увидел, что звук ружейного выстрела вызвал из барсучьих нор, которые я считал пустыми, шестьдесят пять человеческих существ. Я очутился перед толпой наблюдателей: тут было человек сорок мужчин, двадцать женщин и ребенок лет пяти, все еле прикрытые обрывками той ткани цвета семги, которая в уме всегда соединяется с представлением о нищем индусе. С первого взгляда мне показалось, что передо мной какие-то противные факиры. Невозможно описать, как грязны, как отвратительны были эти люди, и я задрожал, подумав, какую жизнь, вероятно, вели они в своих норах.

Даже теперь, когда местное самоуправление уничтожило

часть уважения туземцев к сахибам, я еще не потерял привычки к известной вежливости со стороны людей, стоящих ниже меня, и, подходя к толпе, понятно, ждал, что странное сборище чем-нибудь выразит, что оно видит меня. Оно действительно выразило, но совсем не так, как я ожидал.

Толпа оборванцев захохотала, насмехаясь надо мной, и я надеюсь никогда больше не услышать такого хохота. Они клохтали, выли, свистели и кричали, пока я подходил к ним. Некоторые буквально катались по земле в конвульсиях от недоброго смеха. Я бросил повод Порника и, невыразимо раздраженный моими приключениями, начал изо всех сил бить всех попадавшихся мне под руку. Несчастные валились от моих ударов, как пешки. Вместо смеха раздались мольбы о пощаде, еще не тронутые мной обнимали мои колени и на всевозможных наречиях упрашивали меня пощадить их.

Среди этого смятения и как раз в ту минуту, когда я устыдился своей несдержанности, раздался тонкий, высокий голос, который прошептал за моим плечом: «Сахиб, сахиб, разве вы не узнаете меня? Сахиб, я Гунга Дасс, почтмейстер».

Я быстро обернулся и взглянул на говорившего.

Гунга Дасса (понятно, я без колебания привожу его настоящее имя) я знал четыре года перед тем: он был брамином из Деккана, и пенджабское правительство уступило его одному из государств Кхальсии. Он заведовал телеграфным отделением и, когда я в последний раз видел его, был весе-

лым, важным слугой правительства, отпустившим порядочное брюшко и любившим плохие английские остроты. Это особенность и заставила меня помнить о нем после того, как я забыл услуги, оказанные им мне в качестве официального лица. Немногие индусы любят английские каламбуры.

Теперь он был неузнаваем. Признаки касты, брюшко, аспидно-серые панталоны и любезные речи – все исчезло. Я видел иссохший скелет, без тюрбана, почти совершенно голый, с длинными, спутанными волосами и глубоко ввалившимися глазами, бесцветными, как у трески. Не белей на его левой щеке шрам в виде полумесяца (след несчастного случая, в котором я был виноват), я никогда не узнал бы его. Тем не менее передо мной, несомненно, стоял Гунга Дасс, говоривший хорошо по-английски, который, по крайней мере, мог мне объяснить значение всего, что я испытал в этот день. Итак, его появление обрадовало меня.

Я повернулся к жалкой фигуре и приказал несчастному показать мне выход из кратера. Толпа в это время отступила. Гунга Дасс держал в руке только что ощипанную ворону и вместо ответа на мой вопрос медленно вполз на маленькую песчаную площадку, лежавшую перед отверстиями, и молча стал разводить на ней огонь. Сухая трава, стебли растущего на песке мака и хворост загораются легко, и я почувствовал большое утешение, видя, что Гунга Дасс поджег костер обыкновенной серной спичкой. Когда пламя разгорелось и ворона была достаточно опалена, Гунга Дасс без предисло-

вий начал:

– Сэр! В мире только два рода людей: живые и мертвые. Когда вы умираете – вы мертвы, но, пока вы живой, вы живете. (Тут ворона потребовала его внимания, она могла прерваться в пепел.) Если вы умираете дома, но оказываетесь не мертвым, когда вас приносят для сожжения к «гхату», – вам суждено отправиться сюда...

В эту минуту я понял характер зловонного поселка, и все ужасное и страшное, о чем я когда-либо слышал или читал, побледнело перед словами бывшего брамина. Шестнадцать лет тому назад, когда я впервые высадился в Бомбее, один путешественник, армянин, рассказывал мне, что где-то в Индии существует такое место, куда отправляют индусов, имевших несчастье очнуться от летаргии или от каталепсии, и откуда их больше не выпускают. Вспомнил я также, как я хохотал, считая тогда его слова басней путешественника. И вот теперь, сидя в этой песчаной ловушке, я вспомнил отель Ватсона с его качающимися «пунками», со слугами в белых одеяниях, и фигура смуглого армянина восстала в моем уме с живостью фотографии. Я невольно залился громким хохотом. Контраст был так нелеп.

Гунга Дасс, наклонявшийся над нечистой птицей, с любопытством посмотрел на меня. Индус редко смеется, и окружающее мало побуждало его к смеху. Он торжественно снял ворону с деревянного вертела и медленно и важно съел ее. Потом продолжал рассказ. Я привожу его собственные сло-

ва.

– Во время холерных эпидемий человека сжигают чуть ли не раньше мгновения его смерти. Когда его подносят к берегу реки, холодный воздух иногда оживляет его, и, если в нем только теплится жизнь, на его нос и рот кладут ил, и он окончательно умирает. Если вместо этого он оживает больше прежнего, прибавляют еще ила, но если он делается слишком живым, его увозят. Я был слишком жив, я гневно возражал против недостойных поступков относительно меня. В те времена я был брамин и человек гордый. Теперь я мертвый и я ем, – тут он посмотрел на дочиста обглоданную грудную кость птицы, и со временем нашей встречи впервые я заметил в нем признаки волнения, – ем ворон... и всякие подобные вещи. Заметив, что я слишком ожил, меня вынули из погребальных покровов, целую неделю лечили, и я совершенно выздоровел. Тогда «они» послали меня по железной дороге на станцию Окара, и со мной поехал человек, посланный «ими». На станции Окара мы встретили еще двоих людей. Ночью нас троих посадили на верблюдов и привезли к этому месту. Меня первого бросили в эту яму. Потом двух других, и я пробыл здесь два с половиной года. Да, когда-то я был брамином и гордым человеком, а теперь питаюсь воронами.

– И нет средства выйти из этого места?

– Никакого. Сперва я делал попытки, остальные также. Но мы не выносили потоков песка, который сыпался на наши

ГОЛОВЫ.

– Но ведь, – сказал я, – сторона, обращенная к реке, открыта и, право, стоит подвергнуться выстрелу, а ночью...

В моем уме мелькнул план бегства, но естественный инстинкт себялюбия заставил меня скрыть его от Гунга Дасса. Однако он угадал мою невысказанную мысль почти в то самое время, когда она явилась в моей голове, и, к моему сильному изумлению, насмешливо захохотал. Это был смех высшего над низшим или равного человека, осмеивающего равного.

– Вам не удастся, – он уже не прибавлял слова «сэр», – убежать этим путем. Но попробовать можете. Я пытался. Только раз...

Ощущение неопишуемого ужаса, с которым я бесплодно боролся, совершенно сковало меня. Долгое голодание (было около десяти часов, а я ничего не ел с вечера предыдущего дня) и сильное волнение скачки истожили меня, и, право, мне кажется, в течение нескольких минут я действовал как безумный. Я кинулся на песчаный откос, обежал кругом дно кратера, то выкрикивая кощунства, то бормоча молитвы. Я несколько раз проползал между буграми с приречной стороны, но меня каждый раз прогоняли пули, доводя до нервного страха, потому что я боялся смерти бешеной собаки в этой ужасной толпе. Наконец, я, совершенно измученный, в полубреду, упал подле колодца. Никто не обратил внимания на этот спектакль, воспоминание о котором теперь заставляет

меня жестоко краснеть.

Двое-трое людей, подходивших к колодцу за водой, наступали на меня, но они, очевидно, привыкли к подобным зрелищам и не могли тратить на меня время. Только Гунга Дасс, предварительно прикрыв угли своего костра песком, вылил мне на голову половину чашки вонючей воды, и за это внимание я готов был бы, стоя на коленях, благодарить его, если бы он не продолжал смеяться своим безрадостным визгливым смехом. Итак, я лежал в полубессознательном состоянии до двенадцати часов. Но я только человек, я почувствовал голод и сказал об этом Гунга Дассу, на которого стал смотреть, как на своего единственного покровителя. Помня, как я прежде действовал относительно туземцев, я опустил руку в карман и вынул оттуда четыре анна. Нелепость такого подарка сразу была осознана мной, и я уже хотел опустить монеты обратно в карман, но Гунга Дасс закричал:

– Отдайте мне деньги, все деньги, которые у вас есть, не то я позову на помощь, и мы убьем вас!

Мне кажется, первое побуждение британца – защитить содержимое своих карманов. Однако, подумав, я увидел, как было бы безумно ссориться с единственным человеком, который мог доставить мне некоторые удобства; кроме того, ведь только с его помощью я мог бежать из кратера. Итак, я отдал ему все деньги – девять рупий восемь анна и пять пайев. В лагерях я всегда держу мелочь, чтобы раздавать ее в виде бакшиша. Гунга Дасс схватил монеты и спрятал их в

свою одежду, оглядываясь, чтобы видеть, не подсматривает ли кто-нибудь за нами.

– Теперь я дам вам поесть, – сказал он.

Какое удовольствие могли доставить ему мои деньги, я не могу сказать. Однако ввиду того, что, получив их, он обрадовался, я не жалел, что так охотно расстался с ними, тем более что в случае отказа он, несомненно, убил бы меня. Нельзя возражать против настояний диких зверей, а мои товарищи были ниже всех животных. Гунга Дасс принес мне «чапати» и чашку грязной воды из колодца. Пока я ел, остальные не выражали никаких признаков любопытства – того любопытства, которое царит в индусских селениях.

Мне даже казалось, что они презирали меня. Во всяком случае, они обращались со мной с холодным равнодушием. Гунга Дасс держался немногим лучше. Я осыпал его вопросами относительно ужасной деревни и слышал неутешительные ответы. Насколько я понял, она существовала с незапамятных времен (из чего я заключил, что ей минуло, по крайней мере, сто лет), и в течение всего этого времени не было слышно, чтобы кто-нибудь бежал из нее. (Услышав это, мне пришлось изо всех сил сдерживать себя, чтобы слепой ужас не охватил меня снова и не заставил опять бегать по краю кратера.) Гунга Дасс со злобным удовольствием распространялся на этот счет, смотрел, как я вздрагиваю, и я не мог заставить его сказать, кто были таинственные «они», о которых он так часто упоминал.

– Так приказано, – отвечал он. – И я не знаю никого, кто нарушил бы приказания.

– Только подождите, чтобы мои слуги заметили, что я исчез, – возразил я. – Тогда, обещаю вам, это место будет стерто с лица земли. Вас, мой друг, я тоже поучу вежливости.

– Ваши слуги будут разорваны на части раньше, чем они подойдут к этому месту. Кроме того, вы умерли, мой дорогой друг. Конечно, вы не виноваты, тем не менее вы умерли и погребены.

Через неправильные промежутки времени, как мне сказали, в яму сверху бросали запасы пищи, и обитатели страшного поселка дрались из-за съестного, как дикие звери. Чувствуя приближение смерти, человек уползал в свое логовище и умирал там. Иногда труп вытаскивали из норы и выбрасывали на песок, иногда же предоставляли ему тлеть там, где он лежал.

Фраза «бросали на песок» привлекла мое внимание, и я спросил Гунга Дасса, не могло ли это породить эпидемии.

– Ну, – сказал он с новым визгливым смехом, – вы скоро сами увидите все. У вас будет много времени для наблюдений.

При этом я, к его великому наслаждению, снова вздрогнул и быстро начал прерванную беседу.

– А как вы здесь живете изо дня в день? Что вы делаете? – Мой вопрос вызвал прежний ответ, а также замечание: «Это место похоже на ваш европейский рай: здесь не женятся и не

выходят замуж».

Гунга Дасс учился в миссионерской школе и, по собственному утверждению, перемены он только религию, «как разумный человек», он избежал бы той живой могилы, в которую теперь попал. Но, мне кажется, со мной он чувствовал себя счастливым.

Сахиб, представитель господствующей расы, был в кратере, беспомощный, как дитя, в полной власти своих туземных соседей. И он умышленно лениво принимался мучить меня, как школьник, в течение получаса с наслаждением наблюдавший за муками насаженного на иглу жука, или как хорек, в закупоренной норке с наслаждением вцепившийся в шею кролика. Самое ужасное в разговоре с ним было его постоянное напоминание о невозможности бегства, о том, что мне придется остаться в яме до смерти, после чего меня бросят на песок. Если позволительно угадывать разговоры осужденных в аду при вступлении новой души в их жилище, я скажу, что они говорят, как Гунга Дасс, который постоянно беседовал со мной во время долгих часов этого дня. Я не мог ни возражать, ни отвечать. Все мои нравственные силы были поглощены борьбой с невыразимым ужасом, который несколько раз грозил обессилить меня. Я могу сравнить мои муки только с борьбой человека против надвигающейся на него морской болезни во время переправы через Ла-Манш, но меня терзала духовная агония, и, конечно, гораздо более страшная.

День проходил. Жители кратера старались поймать косые лучи вечернего солнца, которые теперь падали в отверстие кратера. Они собирались по несколько человек, разговаривали между собой, ни разу не оглядываясь в мою сторону. Насколько я мог судить, около четырех часов Гунга Дасс нырнул в свое логовище и показался оттуда с живой вороной в руках. Несчастливая птица была в самом жалком виде, но несколько не боялась своего господина. Осторожно переступая с одной привычной кочки на другую, Гунга Дасс дошел до полосы гладкого песка, как раз на линии ружейного выстрела с лодки. Сидевшие в ней не обратили внимания на бывшего брамина. Он остановился и двумя ловкими движениями кисти руки повернул птицу на спину с распущенными крыльями и пригвоздил ее к песку. Понятно, ворона закаркала и стала бить воздух лапами. Через несколько секунд крики несчастной привлекли внимание целой стаи диких ее подруг, которые толпились в нескольких сотнях шагов от нас и клевали что-то вроде труп. Штук шесть ворон прилетело посмотреть, что происходит, и, как оказалось, также с целью напасть на прикрепленную кольшками к песку птицу. Лежавший на песчаном бугре Гунга Дасс сделал мне знак не двигаться, и раньше, чем я мог увидеть, как это случилось, дикая ворона, которая дралась с беспомощно кричащей пленницей, попала в ее когти и была быстро освобождена Гунга Дассом. Почти в то же мгновение он зажал ее кольшками рядом с ее товаркой по несчастью. Очевидно, лю-

бопытство привлекло остальную стаю, и чуть ли не раньше, чем мы с Гунга Дассом успели отойти, еще две пленницы бились в поднятых кверху когтях птиц-приманок. Таким образом охота (если это занятие можно назвать таким почетным словом) продолжалась, пока Гунга Дасс не поймал семь ворон. Пять из них он убил сразу, оставив двух для своих операций на следующий день. Такой совершенно новый для меня метод добывать пищу произвел на меня сильное впечатление, и я похвалил Гунга Дасса за его искусство.

– Это нетрудно, – ответил он. – Завтра вы должны заметить меня. Вы сильнее, чем я.

Он так уверенно распоряжался мной, что это сильно взволновало меня, и я запальчиво ответил:

– Действительно, старый мошенник! Как вы думаете, за что я дал вам денег?

– Прекрасно, – послышался бесстрастный ответ. – Может быть, вы не сделаете этого завтра, послезавтра и еще через день, но в конце концов вы будете ловить ворон и много-много лет есть их, да еще благодарить вашего европейского Бога за то, что здесь попадаютя вороны, которых можно есть.

Я охотно задушил бы его за эти слова, однако сказал себе, что при данных обстоятельствах лучше подавить досаду. Через час я уже ел одну из ворон и действительно благодарил Бога за то, что могу ее есть. До конца жизни не забуду я этого обеда. Все население кратера сидело против своих логовищ, склоняясь над крошечными кострами из от-

бросов. Смерть однажды наложила свою руку на этих людей и не нанесла удара, а теперь, казалось, стояла вблизи от них. Большею частью моими сотоварищами были старики, согбенные, истомленные, искривленные годами. И женщины казались старыми, как сама судьба. Все сидели группами и разговаривали (один только Бог знает, о чем они могли толковать). Их голоса звучали тихо, монотонно, составляя странный контраст с пронзительной болтовней туземцев, которая так уродливо нарушает тишину дня. Время от времени кого-нибудь из мужчин или женщин охватывал такой же припадок внезапного бешенства, какой овладел мною утром. Страдалец с воплями и проклятиями кидался на крутой откос, но наконец, весь окровавленный, задыхающийся, падал на площадку, не способный пошевелить ни рукой, ни ногой. Остальные даже не поднимали глаз, как бы зная полную безрезультатность таких попыток и утомленные бесполезными повторениями. В течение вечера я видел четыре подобных взрыва отчаяния.

Гунга Дасс деловито взглянул на мое положение и, пока мы обедали (теперь я могу смеяться при этом воспоминании, но в то время мне было достаточно больно), объявил, на каких условиях он согласен помогать мне. За мои девять рупий и восемь анна он будет доставлять мне пищу только пятьдесят один день, то есть около семи недель, если считать по три анна в день. Другими словами, он соглашался работать на меня в течение этого периода времени. Позже мне пред-

стояло самому заботиться о себе. Дальше, за уступку моих сапог, он соглашался позволить мне поселиться рядом с ним и дать столько сухой травы для моего ложа, сколько может выделить.

– Прекрасно, – ответил я, – на первое условие я охотно соглашаюсь, но так как ничто в мире не мешает мне убить вас вот на этом самом месте и взять себе все, что вы имеете (в ту минуту я подумал о двух драгоценных воронах), решительно отказываюсь отдать вам мои сапоги и займу то логовище, которое мне понравится.

Это был смелый удар, я порадовался, увидев, что он удался. Гунга Дасс немедленно переменял тон и отказался от моих сапог. Тогда меня не поразило, что я, гражданский инженер, человек тридцати лет, состоящий на службе и, как мне кажется, настоящий англичанин, могу спокойно грозить убийством и грабежом человеку, который, правда не бескорыстно, но все же взял меня под свое крылышко. Казалось, я целые столетия тому назад расстался с цивилизацией. В то время я был уверен, как теперь уверен в собственном существовании, что в этом проклятом поселке царит только право сильного, что живые мертвецы бросили все законы мира, который изгнал их, и что моя собственная жизнь зависит исключительно от моей силы и бдительности. Лишь экипаж злополучной «Миньонет» способен понять состояние моего ума.

– В настоящее время, – говорил я себе, – я силен и стою

шестерых из этих несчастных. Мне необходимо сохранять здоровье и силу до часа моего освобождения... если такой час настанет.

Подкрепленный моими решениями, я сытно поел, выпил воды побольше, дал понять Гунга Дассу, что намереваюсь быть его господином и что малейший признак неповиновения с его стороны повлечет единственное наказание, которое было у меня в руках, – его внезапную и насильственную смерть. Скоро после этого я пошел спать. Другими словами, Гунга Дасс дал мне две охапки сухой травы, я бросил их в отверстие логовища справа от его помещения и сам спустился в него ногами вперед: нора уходила приблизительно на десять футов в песок, имела легкий наклон вниз и вся была выстлана дерном. Из моего логовища, которое было обращено к реке, я мог видеть воды Сетледжа, залитые светом молодой луны.

Я никогда не забуду ужасов этой ночи. Моя нора была почти так же узка, как гроб, и благодаря прикосновению неисчислимого количества обнаженных тел ее откосы стали гладкими, покрылись салом и вдобавок отвратительно пахли. При моем возбужденном состоянии о сне не могло быть и речи. По мере того как проходила ночь, весь амфитеатр, казалось, наполнялся легионами нечистых дьяволов, которые, двигаясь от речных мелей, насмехались над несчастными в их норах.

Я не одарен живым воображением (не многие англича-

не имеют его), но тогда я совсем ослабел от нервного ужаса, точно женщина. Однако приблизительно через полчаса я овладел собой и мог снова взвесить мои шансы на спасение. Понятно, не следовало и помышлять о том, чтобы уйти через песчаные стены. Я убедился в этом несколько раньше. Было возможно (только возможно) благодаря неверному свету луны, при удаче, счастливо избежать ружейных выстрелов. Кратер казался мне до того ужасен, что я охотно подвергся бы любой опасности – только бы уйти из него. Представьте же себе, в какой восторг пришел я, когда, подкравшись к реке, заметил, что на ней больше нет адской лодки! Свобода могла начаться через несколько шагов...

Я дойду до первой мелкой заводи у подножия выступающего левого рога подковы, двинусь вброд, поверну за край кратера и направлюсь к земле. Без колебаний я бодро пошел мимо тех кочек, на которых Гунга Дасс ловил ворон, и миновал их, бесшумно шагая к гладкому белому песку. Но мне пришлось тотчас же понять, как напрасна была надежда на спасение. Едва поставив ногу на песок, я почувствовал его неопишное, втягивающее, всасывающее движение. Еще секунда – и моя нога ушла почти до колена. При бледном свете, казалось, вся песчаная поверхность дрожала от дьявольского наслаждения. Пот от ужаса и напряжения покрывал меня, но я освободился, вернулся к буграм и упал ничком.

Мое единственное средство к бегству из этого амфитеатра было защищено зыбучим песком...

Как долго я лежал, не могу сказать, но наконец меня заставило подняться злобное хихиканье Гунга Дасса.

– Я посоветовал бы вам, покровитель бедных (мошенник говорил по-английски), вернуться домой. Нездорово лежать здесь. Кроме того, когда вернется лодка, вас, конечно, застрелят.

В слабом свете зари он наклонился надо мной и смеялся про себя. Я подавил первое побуждение схватить его за шею и швырнуть в зыбучий песок, мрачно поднялся и пошел за ним к платформе под норами.

Внезапно и, как мне казалось тогда, совершенно бесцельно я спросил:

– Гунга Дасс, если я никаким образом не могу убежать, то зачем на реке стоит лодка?

Я отлично помню, что даже среди глубокого волнения я смутно подумал о бесполезной трате боевых припасов для охраны берега, который был и без того хорошо защищен.

Гунга Дасс опять засмеялся и ответил:

– Они ставят лодку только днем. Дело в том, что существует способ бегства. О, я надеюсь, мы будем иметь удовольствие пользоваться вашим обществом долгое время. Когда проживешь здесь несколько лет и достаточно времени поешь жареных ворон, право, начинаешь находить, что это довольно приятное место.

Онемевший, беспомощный, я побрел к своей зловонной норе, спустился в нее и скоро заснул. Через час или боль-

ше я проснулся от пронзительного вопля, резкого, высокого крика страдающей лошади. Слышавший этот крик никогда его не забывает. С некоторым трудом выбрался я из моего логовища и тотчас же увидел Порника, моего бедного старого Порника. Он лежал мертвый на песчаном дне кратера. Не понимаю, как они убили его! Гунга Дасс объяснил мне, что конина вкуснее ворон и что «наибольшее благо для наибольшего числа людей» – политическая аксиома.

– Теперь мы – республика, мистер Джекс, – прибавил он, – и вы имеете право на долю мяса этого животного. Если вам угодно, мы выразим вам благодарность. Внести это предложение?

Действительно, это была республика, республика диких животных, стесненных в яме, в которой им было суждено есть и драться до своей смерти. Я не стал возражать и сел, глядя на отвратительное зрелище. Кажется, скорее, чем я могу описать, тело лошади было разделено тем или другим образом. Мужчины и женщины унесли куски мяса на платформу и стали готовить утреннюю еду. Гунга Дасс жарил для меня большой кусок конины. Почти неудержимое побуждение кинуться на песчаные стены и бороться с ними до полной усталости снова охватило меня, и мне пришлось усиленно подавлять его. Гунга Дасс был оскорбительно весел. Наконец, я сказал ему, что, если он обратится ко мне с каким-либо замечанием, я его задушу на месте. Он замолк, но молчание стало для меня невыносимо, и я приказал ему

сказать что-нибудь.

– Вы будете жить здесь, пока не умрете, как другой феринги, – спокойно сказал бывший брамин, посматривая на меня поверх кости, которую он глодал.

– О каком другом сахибе говоришь ты, свинья? Говори да не смей лгать.

– Он вон там, – ответил Гунга Дасс, указывая на вход в четвертую нору слева от моей. – Вы сами можете посмотреть. Он умер в этой норе, как умрете вы, я и все эти мужчины и женщины, да и ребенок также.

– Во имя сострадания, скажите мне все, что вы знаете о нем... Кто он был? Когда он пришел? Когда умер?

Эта мольба была слабостью с моей стороны. Гунга Дасс только захихикал и ответил:

– Дайте что-нибудь, тогда скажу.

Тогда я вспомнил, где я был, ударил его кулаком по переносице и ошеломил его. Он отошел от платформы, приниженно всхлипывая, и, пытаясь обнять мои ноги, повел меня к указанной им норе.

– Я ничего не знаю об этом джентльмене. Ваш Бог свидетель, не знаю! Ему так же хотелось убежать, как вам, и его застрелили с лодки, хотя мы все старались удерживать его от таких попыток. Пуля попала ему вот сюда. – Он указал на свой тощий живот и поклонился до земли.

– Хорошо, а что было дальше?

– Тогда... тогда мы, ваша честь, отнесли его к нему в дом,

напоили его водой и приложили к его ране влажное полотно. А он лег и скоро испустил дух свой.

– Через сколько времени? Через сколько времени?

– Приблизительно через полчаса после получения раны. Призываю Вишну в свидетели, – провыл дрянной человек, – я сделал все, что можно было сделать для него. Все, что только было можно, я сделал для него.

Он упал на землю и обхватил руками мои щиколотки. Но я сомневался в расположении Гунга Дасса и оттолкнул его.

– Я думаю, вы ограбили его. Но я сам увижу это через две минуты. Сколько времени пробыл здесь сахиб?

– Около полутора лет. Я думаю, он сошел с ума. Но, покровитель бедных, слушайте мою клятву. Разве ваша честь не желает выслушать, как я клянусь, что не дотронулся ни до одной вещи, принадлежащей ему? Что собирается сделать ваша милость?

Я схватил Гунга Дасса за талию и поднял его на платформу, против указанной им норы. В эти минуты я думал о том, что пережил в течение восемнадцати месяцев мой соотечественник, как невыразимо был он несчастен среди этих ужасов, как невыносимо было ему умирать, точно крысе, в тесной норе, от пули, попавшей в живот. Гунга Дасс вообразил, что я сейчас его убью, и жалобно завопил от страха.

Остальное население, охваченное сонливостью, наступающей после еды, наблюдало за нами и не шевелилось.

– Лезь туда, Гунга Дасс! – сказал я. – И вытащи его.

Я чувствовал, что теряю силы, что я болен от ужаса. Гунга Дасс чуть не свалился с платформы и заявил:

– Ведь я же брамин, сахиб, брамин высокой касты... Молю вас вашей душой, душой вашего отца, не заставляйте меня делать это...

– Брамин вы или не брамин, клянусь своей душой и душой моего отца, вы отправитесь в эту нору, – сказал я и, схватив его за плечи, втиснул голову жалкого создания в отверстие логовища, потом втолкнул туда же все тело, а сам сел, закрыв лицо руками.

Прошло несколько минут, послышался шелест и треск; скоро до меня донесся прерывающийся всхлипывающий шепот Гунга Дасса, который разговаривал сам с собой, наконец, глухой стук. Я открыл глаза.

Сухой песок превратил отданный ему на сохранение труп в желтовато-коричневую мумию. Я приказал Гунга Дассу отойти, пока я буду осматривать мертвого. Тело, одетое в очень поношенный и запятнанный охотничий костюм с кожаными погонами на плечах, при жизни принадлежало человеку среднего роста, между тридцатью и сорока годами, с довольно редкими рыжими волосами, длинными усами и очень косматой, грубой бородой. В его верхней челюсти недоставало левого клыка. Часть мочки одного уха была оторвана. На втором пальце левой руки я увидел сильно потемневшее и изношенное серебряное кольцо в виде свернувшейся кобры, а Гунга Дасс положил на песок пригоршню мелочей, которые

он вынул из норы. Я, закрыв моим носовым платком лицо мертвого, стал их рассматривать. Привожу полный список в надежде, что это поможет установить личность несчастного:

1) чашечка от черешневой курительной трубки, с зазубринами на краю, старая, почерневшая, возле винта обвязана ниткой;

2) два патентованных ключа, у обоих сломаны бородки;

3) черепаховый перочинный нож с серебряной или никелевой пластинкой с монограммой «Б. К.»;

4) конверт, неразборчивый штемпель, марка времен Виктории, адресован на имя мисс Мон... (остальное неразборчиво) – «хем» – «нт»;

5) записная книжка с обложкой из имитации крокодиловой кожи, с карандашом. Первые сорок пять страниц не заполнены, на четырех почти нельзя прочесть слов, следующие пятнадцать заполнены личными записями, которые касаются главным образом трех лиц: миссис Л. Сингльстон (в сокращении часто «Лот Сингл»), миссис С. Мей и м-ра Гармизона, о котором часто говорится, как о Джерри или Джеке;

б) рукоятка маленького охотничьего ножа; лезвие обломано. Олений рог, обрезанный многими гранями, с петлей и кольцом в конце; обрывок бумажного шнура.

Не следует предполагать, что я тогда же составил такой полный перечень всех этих вещей. Прежде всего я обратил внимание на записную книжку и положил ее в карман, намереваясь позже хорошенько изучить страницы. Остальные

вещи я отнес к моей норе и, как аккуратный человек, составил опись. Потом я вернулся к телу и приказал Гунга Дассу помочь мне отнести его к реке. Когда мы принялись за это дело, из одного кармана куртки покойника выпала оболочка старого, коричневого патрона и подкатилась к моим ногам. Гунга Дасс не видел этого, а я сказал себе, что человек не носит с собой пустых патронов, особенно коричневых, которые могут служить только один раз. Другими словами, я решил, что этим патроном выстрелили в кратере. Следовательно, где-нибудь скрывалось и ружье. Я чуть было не спросил об этом Гунга Дасса, но промолчал, зная, что он солжет. Мы положили тело на окраине зыбучих песков подле кочек. Я хотел столкнуть его на песок, чтобы оно было поглощено (другого способа погребения я не мог придумать), и приказал Гунга Дассу уйти.

Потом я быстро положил тело на песок. При этом – труп был обращен лицом вниз – я нечаянно разорвал некрепкую, истлевшую ткань охотничьей куртки и увидел на спине мертвого ужасную впадину. Я уже упоминал, что сухой песок превратил труп в нечто вроде мумии. Теперь мне с первого же взгляда стало ясно, что страшное, зияющее отверстие на спине – след выстрела из ружья в упор. Я мгновенно понял, как умер несчастный. Кто-то из обитателей кратера, вероятнее всего, Гунга Дасс, убил его из его же собственного оружия, для которого служили коричневые патроны. Он не думал пытаться бежать под ружейным огнем с лодки.

Я торопливо толкнул тело дальше и увидел, как оно буквально в несколько секунд было поглощено песком.

При виде его исчезновения я вздрогнул и, смущенный, полусознательно стал просматривать записную книжку убитого. Когда я раскрыл ее, из нее выпал листок бумаги, который лежал между ее оберткой и последней страницей. Вот что было написано там: «Четыре прочь от вороньего бугра; три влево; девять прочь; два вправо; три назад, два влево, четырнадцать прочь; два влево; семь прочь; один влево; девять назад; два вправо; шесть назад; четыре вправо; семь назад».

Бумага эта была обожжена, ее углы обуглились. Что все это означало, я не понимал и сел на сухую траву, перебирая листок, переворачивая и разглядывая его. Вдруг я заметил, что Гунга Дасс стоит позади меня. Его глаза горели, а руки тянулись ко мне.

– Нашли? – задыхаясь, спросил он. – А вы не дадите и мне посмотреть? Клянусь отдать ее вам...

– Что нашел? Что вы вернете?

– То, что у вас в руках. Это поможет нам обоим. – И он протянул свои тонкие пальцы, крючковатые, как когти птицы. – Я не мог найти ее. Он спрятал ее где-то на себе. Вот за это я и застрелил его, и все-таки не нашел того, что искал.

Гунга Дасс совершенно позабыл свою сказку о пуле с лодки. Я спокойно слушал. Нравственное чувство притупляется в обществе мертвых, которые живы.

– О чем вы бредите? Что вы просите меня отдать вам?

– Бумажку из записной книжки. Она поможет нам обоим. О, вы глупец! Безумец! Разве вы не понимаете, как она послужит нам? Мы спасемся...

Его голос усилился, повысился. Он почти кричал и прыгал от волнения. Сознаюсь, мысль о возможности спасения взволновала и меня.

– Вы хотите сказать, что этот лоскут бумаги поможет нам? Что же он значит?

– Прочитайте вслух! Прочитайте вслух! Прошу, молю вас прочитать вслух!..

Я исполнил его желание. Гунга Дасс слушал с восторгом и пальцем чертил на песке неправильную линию.

– Смотрите. Это длина его стволов без приклада. Стволы у меня. Четыре ствола от того места, где я ловлю ворон. Понимаете? Три влево. Ага! О, я теперь помню, как этот человек работал каждую-каждую ночь. Потом девять прямо и так далее. «Прочь» всегда у него значило прямо через зыбучий песок к северу. Раньше, чем я убил его, он сказал мне это.

– Почему же, если вы знали все, вы не ушли?

– Я не знал. Он сказал мне, что работал над этим каждую ночь, когда лодка уплывала, и он мог подходить к песку. Потом он сказал, что мы уйдем вместе. Но мне стало страшно, что, устроив все, он уйдет один, без меня. Вот потому-то я и застрелил его. Кроме того, людям, раз попавшим сюда, не следует убегать. Можно только мне. Ведь я же брамин...

С надеждой на спасение в уме Гунга Дасса проснулась

мысль о его касте. Он выпрямился, стал расхаживать взад и вперед, сильно размахивая руками. Однако мне удалось заставить его говорить спокойно, и он рассказал, как несчастный англичанин в течение шести месяцев каждую ночь дюйм за дюймом исследовал возможный проход через зыбучий песок. Как он объявил, что бежать очень просто, что можно пройти в двадцати ярдах от берега, предварительно обогнув левый выступ подковы. Он, очевидно, еще не dokonчил плана, когда Гунга Дасс убил его из его же собственного ружья.

Помню, что, охваченный восторгом при мысли о возможности бегства, я дико пожимал руку Гунга Дасса после того, как мы решили сделать попытку в эту самую ночь. Тяжело было ждать целый день.

Насколько я мог судить, около десяти часов, когда над окраиной кратера только поднялась луна, Гунга Дасс пошел к своей норе за стволами, которыми нам предстояло измерять наш путь. Все остальные жалкие жители этой ямы уже давно разошлись по своим логовищам. За несколько часов перед тем сторожевая лодка уплыла по течению. Мы с ним были совершенно одни подле вороньего бугра. Когда Гунга Дасс нес ружейные стволы, он уронил бумажку, которая должна была руководить нами. Я наклонился за ней – и в ту же секунду заметил, что Дасс собирается изо всех сил ударить меня стволами по затылку. Повернуться я не успел, и удар попал куда-то в мою шею. Я потерял сознание и свалился на окраину зыбучих песков.

Когда я пришел в себя, луна уже садилась. Мой затылок нестерпимо болел. Гунга Дасс исчез. Мой рот был полон крови. Я снова лег и стал молить небо сейчас же послать мне смерть. Потом прежнее бессмысленное бешенство овладело мною, и я, шатаясь, побежал обратно к стенам кратера. Вдруг мне показалось, что кто-то шепотом зовет меня: «Сахиб! Сахиб! Сахиб!» – совершенно так, как мой носильщик, бывало, звал меня по утрам. Мне представилось, что я брежу, но пригоршня песка упала к моим ногам. Тогда я посмотрел вверх и увидел голову, смотревшую в кратер. Это была голова Дунну, который заведывал моими борзыми собаками. Едва заметив, что я обратил на него внимание, он поднял руку и показал мне веревку. Раскачиваясь взад и вперед, я знаком дал ему понять, чтобы он бросил ее вниз. Упала пара ременных канатов, связанных вместе, с петлей на одном конце. Я продел голову в петлю и продвинул ее себе под мышки; потом услышал, что Дунну сказал что-то, и меня потащили лицом вниз вдоль крутого песчаного откоса. Через несколько мгновений, задыхаясь, в полуобмороке, я очутился на песчаных холмах, нависших над кратером. Лицо Дунну приняло оттенок серого пепла, и он молил меня как можно скорее вернуться в мою палатку.

Оказалось, что по следам Порника он прошел по пескам четырнадцать миль до самого кратера, вернулся в лагерь и сказал обо всем моим слугам, которые наотрез отказались иметь какое-нибудь дело с человеком, белым или черным,

раз он попал в ужасное и отвратительное селение мертвых. Тогда Дунну взял одну из моих лошадей, две веревки, вернулся к кратеру и вытащил меня, как я уже рассказал.